

Губитель женщин

Автор:

Аманда Маккейб

Губитель женщин

Аманда Маккейб

Маскарад – Harlequin

В разгар бала в богатый особняк маркизы Тенбрей проник Вор Лилии и похитил золотую этрусскую диадему. Лондон взбудоражен – это не первая кража, совершенная таинственным грабителем, высший свет опасается за свои сокровища. Дочери сэра Уолтера Чейза – Каллиопа, Клио и Талия, прозванные музами, – решают изловить вора. На подозрении герцог Авертон с репутацией губителя женщин и красавец граф Камерон. Оба молодые, богаты, собирают предметы старины, готовы на многое ради своих коллекций, и оба пытаются добиться расположения прекрасных сестер Чейз...

Аманда Маккейб

Губитель женщин

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

Такой темной ночи еще никогда не было. Тонкий серебряный серп месяца высоко висел над крышами Лондона. Звезд не было вовсе, ни единой крошечной искорки, а из сонной Темзы медленно выползал пресловутый лондонский туман. Тяжелый, ядовитый, серо-зеленый, он неминуемо должен был окутать город, лишив его даже этого робкого мерцания.

Но гостям на балу маркизы Тенбрей – а там собрался почти весь большой свет – не было никакого дела до зловещей тьмы за окнами ярко освещенного особняка. Они смеялись, танцевали, дамы обменивались последними новостями, глядя поверх шелковых вееров, пили шампанское, тайком срывали поцелуи под сенью выставленных на террасу пальм.

И никто – даже сама маркиза, весьма озабоченная внезапно обнаружившейся нехваткой пирожков с устрицами, – не заметил, как в библиотеке бесшумно поползла вверх оконная рама. Кто-то пользовался темнотой отнюдь не для вольностей на террасе. Нет, на уме у этого человека было нечто зловещее.

Как только окно открылось, гибкий, ловкий человек, одетый в черное, в черной маске, влез внутрь и пружинисто спрыгнул на абиссинский ковер, устилавший полированный паркет. Человек приземлился беззвучно, словно кошка на шелковое покрывало. Он машинально пригнулся, задержал дыхание, только яркие глаза в прорезях атласной маски стрельнули по сторонам. Как и ожидалось, библиотека, освещенная лишь маленькой масляной лампой, пустовала. Колеблющийся свет не достигал дальних углов комнаты. Книжные полки поднимались к потолку, и похоже было, что стоящие плотными рядами книги в кожаных переплетах редко тревожит чья-то любящая рука.

«Что же, – подумал незванный гость, – старушка леди Тенбрей никогда не была интеллектуалкой».

Вот покойный лорд Тенбрей – тот был известен страстью к античным древностям, а именно это интересовало человека в черном. Убедившись, что он в комнате один, злоумышленник выпрямился и крадучись двинулся вдоль стены. Темные углы не таили для него опасности, план комнаты был тщательно изучен, каждый столик и стул известен. Человек точно знал, что ищет.

У дальней стены, по обе стороны резного камина, стояли два шкафчика со стеклянными дверцами, каждый щедро наполненный несправедливо добытыми

сокровищами. В молодости покойный хозяин дома состоял на дипломатической службе в Неаполе и оттуда регулярно слал домой ящики с вазами, статуэтками, драгоценностями, фресками. Здесь в библиотеке была представлена лишь малая часть коллекции. Ее лучшая часть.

«Ну да, – прошептал незнакомец, – вот и вы».

Из мешка на поясе был извлечен металлический штырь и вставлен в замочную скважину. Быстрое движение, и механизм замка легко поддался.

– Слабо, слабо, – пробормотал неизвестный, открывая стеклянную створку. – Люди, не умеющие позаботиться о своей собственности, ее не заслуживают.

Искомый предмет лежал в самой середине экспозиции – золотая этрусская диадема тонкой работы, выполненная в виде виноградной лозы. Некогда она украшала голову царицы, а ныне тешила тщеславие английской старухи.

Но теперь с этим покончено.

Человек взял диадему рукой в черной перчатке. Даже в полумраке она сияла, словно итальянское небо, невесомая и совершенная. Она выглядела хрупкой, но тем не менее пережила не одно тысячелетие.

«Скоро ты будешь в безопасности», – слышался успокаивающий шепот, и диадема исчезла в глубине мешка. Тут же что-то сильно ударило в дверь снаружи. Голова человека в маске резко повернулась, его сердце учащенно забилося.

– Может, не стоит, Агнесс? – промямлил запинаящийся мужской голос.

– Нет, надо торопиться, – ответил ему женский. – У нас мало времени. Скоро мой муженек оторвется от карт и примется меня искать.

Толчок повторился, затем повернулась дверная ручка, видимо нащупанная самой Агнесс или ее пьяным кавалером.

Пора уходить. Из мешка появился еще один предмет – прекрасная белая лилия, которую человек аккуратно положил на место диадемы. После чего он легко перебежал комнату, вскочил на подоконник и в тот момент, когда дверь распахнулась, исчез во мраке ночи.

Вор Лилии совершил очередную удачную кражу.

Глава 1

– Объявляю очередное заседание Дамского художественного общества открытым, – провозгласила Каллиопа Чейз, ударяя молотком по столу. – Слово имеет наш секретарь, мисс Клио Чейз.

Чайные чашки и блюдечки с пирожными медленно опустились на колени и столики, а члены общества переключили свое внимание на его основателя и президента. В высокие окна гостиной Чейзов струился солнечный свет, особенно ясный и теплый после промозглой ночи, рассыпая бриллиантовые искры по муслиновым платьям пастельных тонов. Все в этой модно обставленной комнате было, как тому и следовало быть, – барышни, сидящие красочными группами на стульях и кушетках, подносы с чайной посудой, снующие туда-сюда горничные, тихие звуки Моцарта, которые извлекали из стоящего в углу пианино проворные ручки Талии.

Все чинно и благопристойно. Кроме одного. За спиной Каллиопы на высоком постаменте стояла мраморная статуя Аполлона. Обнаженного Аполлона, со всеми анатомическими подробностями.

Но и то сказать – чего ожидать от дома, принадлежащего известному исследователю Древней Греции, сэру Уолтеру Чейзу? А ныне в этом доме проживали его девять дочерей, названные в честь греческих муз, и предавались занятиям не совсем обычным для леди.

Каллиопа, например, старшая из Муз Чейзов, которой уже исполнилось двадцать два года, была далеко не типичной барышней лондонского общества. Эта привлекательная девушка получила от покойной матери-француженки черные

волосы, карие глаза и белую кожу. Внешность такого сорта в дополнение к деньгам Чейзов привлекала самых завидных поклонников. Но она отказывала всем!

«Никто из них не интересуется историей и стариной», – говорила она отцу, и он покорно соглашался, что эти молодые люди никак не подходят для Муз Чейзов.

Она также мало интересовалась нарядами и танцами, предпочитая посвящать время научным изысканиям или обсуждению их с родственными по духу людьми. Именно поэтому Каллиопа основала Дамское художественное общество, она хотела вместе с сестрами протянуть руку помощи девицам, у которых на уме не только оборки да шляпки. «Наверняка в Лондоне мы не одни такие, – сказала она сестре Клио. – Я говорю о женщинах, которые берут с собой в Альмак книгу, чтобы не умереть со скуки».

И вот в настоящее время общество включало трех старших сестер Чейз (остальные шестеро были еще школьницами и потому пока числились кандидатами) и двух их подруг. Имелся еще ряд кандидаток (хотя Каллиопа подозревала, что большинство из них хотели только полюбоваться на Аполлона). Раз в неделю они собирались, чтобы потолковать об истории, литературе, искусстве и музыке. Изредка им читал лекцию ученый гость (приглашенный отцом). Чаще юные леди просто обсуждали между собой новую книгу или оперу. Или же Талия, третья сестра, пламенная пианистка, исполняла возмутительно страстный отрывок из Бетховена.

Но сегодня барышням предстояло обсудить очень важный вопрос, это было видно по тому, как решительно развернула плечи Каллиопа под белым муслиновым платьем. Кто-то шикнул, и разговоры моментально стихли. Даже Талия перестала играть и обернулась к сестре. Каллиопа подняла вверх газету с кричащим заголовком: Вор Лилии вернулся!

– Прошло уже порядочно времени с тех пор, как этот преступник совершил последнюю кражу, – негромко проговорила Каллиопа. Голос ее был спокоен, но ее щеки пылали от едва сдерживаемого гнева. Все решили, что Вор Лилии исчез без следа, как многие, и о нем забудут так же, как и о других мимолетных светских сенсациях. Интерес света к такого рода историям длится от силы два дня, затем его сменяет новый развод, тайный побег или любой другой скандал. – Вероятно, ему было досадно, что о нем забыли.

Клио оторвалась от протокола, безупречные брови взлетели над дужками очков. Но она промолчала и снова склонилась над записями. Заговорила леди Эмлин Сондерс.

– Возможно, у Вора Лилии есть веские причины для его действий.

– Такие, как корысть и обогащение! – воскликнула Талия из-за пианино, и ее золотистые кудряшки задрожали от гнева. Талия выглядела как фарфоровая пастушка, но у нее было сердце гладиатора, из-за которого она постоянно попадала в передраги. – Он получил хорошие денежки от продажи греческого сосуда для вина лорда Эгермонта и фигурки Бастет Клайвзов.

– Видишь ли, предметы старины имеют не только денежную ценность, – спокойно проговорила Клио. – Хотя некоторые владельцы об этом забывают.

– Вот именно, – кивнула Каллиопа. – Потому-то действия этого Вора Лилии так отвратительны. Кто знает, куда попадут теперь эти вещи и увидит ли их кто-нибудь снова? Невосполнимая потеря для науки.

Клио снова склонилась над протоколом и тихо, так что только одна Каллиопа ее слышала, пробормотала:

– Как будто в библиотеке леди Тенбрей занимались науками.

– Вор Лилии крадет не деньги или украшения, как обыкновенный вор, – заметила Каллиопа. – Он крадет историю.

Члены общества переглянулись, и Эмлин вновь подняла руку:

– Но что мы можем сделать, Каллиопа? Может, пригласим преподавателя из Кембриджа и с ним обсудим кражи предметов старины в истории?

– Или расхищение гробниц! – воскликнула мисс Шарлотта Прайс, самая младшая и легковозбудимая из членов общества. Она зачитывалась готическими романами, что беспокоило ее отца, друга сэра Уолтера Чейза, и он надеялся, что общество поможет ей расширить кругозор. Пока что его надежды не слишком оправдались. – В «Мести барона» я читала про одного такого грабителя

склепов...

– Да-да, – поспешно перебила ее Каллиопа, прежде чем Лотти углубилась в пересказ сюжета. – Но я имела в виду кое-что более... активное.

– Активное? – переспросили дамы.

– Да. – Каллиопа положила ладони на стол и подалась вперед. – Мы сами поймаем Вора Лилии!

Общий вздох взлетел к гипсовому медальону на потолке.

– Как интересно! – воскликнула Шарлотта. – Это очень похоже на «Зарок Арабеллы»...

– Мы сделаемся частными сыщиками? – спросила Талия, хлопая в ладоши. – Какая свежая мысль!

– Да, в самом деле! – горячо согласилась Эмлин. – Научные занятия – это прекрасно, но иногда хорошо и размяться.

Перо в руке Клио замерло, брови озадаченно сошлись на переносице.

– И как, по-твоему, мы за это возьмемся, Каллиопа? Если даже полиция оказалась бессильна...

По правде сказать, Каллиопа еще не продумала свое предложение до конца. Идея пришла ей только за завтраком нынешним утром, пока она читала газеты и кипела от гнева по поводу мерзких деяний этого позера, Вора Лилии. Ей вдруг подумалось, что некоторые светские дамы могут оказаться похитрее и порасторопнее, чем полицейские агенты. Женщине проще наблюдать и слушать, не вызывая ни в ком опасений, и в решающий момент она вполне способна уличить злодея. В одном Каллиопа не сомневалась: Вор Лилии принадлежит к светскому обществу. Иначе просто не может быть, ведь он все знает о домах аристократов. Вот только как приступить к его поимке?

– Я предлагаю, – медленно произнесла она, – начать с последней кражи – кражи этрусской диадемы. Кто-нибудь был вчера на рауте у леди Тенбрей?

Сама Каллиопа там не была, она предпочла пойти с отцом в театр, решив, что «Макбет» гораздо занятнее общества, собравшегося в доме леди Тенбрей. Если бы она только могла предположить, что Вор Лилии объявится снова! И Клио с Талией тут не могли ничем помочь – они провели вечер дома над книгами. Но ведь должен же найтись кто-то, на чьи наблюдения можно положиться.

Эмлин неуверенно подняла руку:

– Я была, но боюсь, что не заметила ничего подозрительного.

– Может, кто-то из гостей странно себя вел? – с надеждой спросила Каллиопа.

– Только Фредди Маунтбэнк, – ответила Эмлин. – Но ведь от него ничего другого и не ждешь! Было бы подозрительно, если бы он вел себя нормально.

Девушки дружно захихикали. Бедный мистер Маунтбэнк, он такой непосредственный, так влюблен в Эмлин, но имеет злополучную привычку чертыхаться в присутствии барышень, поскольку их общество заставляет его нервничать. А во время танца он безнадежно путает фигуры и сбивается с такта. Если только мистер Маунтбэнк не дьявольски хитер – а судя по его родителям, это маловероятно, – он точно не Вор Лилии!

– Больше никто? – спросила Каллиопа.

Эмлин с сожалением покачала головой:

– Боюсь, что нет. Гостей было много, но маменька настаивала, чтобы я танцевала с одним мистером Маунтбэнком, так что я весь вечер только о том и думала, как от него скрыться.

По комнате снова прокатился смешок, и даже Каллиопа не сдержала улыбки, представив, как ее рослая подруга прячется за шторы и кадки с пальмами, чтобы спастись от назойливого ухажера.

– Жалко, – вздохнула Эмлин. – Если бы я только знала...

– Если бы только мы все знали, – сказала Каллиопа.

– Так что мы теперь будем делать? – спросила Талия. Судя по тону, она предпочла бы вооружиться, как валькирия, и двинуться в поход на Мейфэр, сметая по пути всех проходимцев.

– Я не вполне уверена, – признала Каллиопа, – но мне кажется, я догадываюсь, где Вор Лилии совершит следующую кражу.

– Правда?

– Где же, где?

– Ну, говори скорее!

В голове Каллиопы еще далеко не все сложилось в ясную картину, но она полагала, что иногда лучший подсказчик – интуиция.

– На балу у герцога Авертона!

– Неужели?

– Ну разумеется!

– Алебастровая Богиня! – проговорила Талия. – А что, неглупо.

– Даже удивительно, что Вор Лилии до сих пор на нее не позарился, – заметила Эмлин.

– Он все больше набирается наглости, – фыркнула Каллиопа, кивая на газету. – Украсть диадему прямо из-под носа хозяев, когда дом полон гостей, – это поступок необыкновенно самоуверенного типа.

Алебастровая Богиня была небольшой, искусно выточенной статуэткой Артемиды с луком и стрелами. Несколько лет назад она была найдена в полуразрушенном храме на острове Делос и приобретена герцогом Авертоном (Алчным Герцогом, как именовали его в определенных кругах) для его знаменитой коллекции. Статуэтка прекрасно сохранилась, и герцог, как ни странно, любил ее демонстрировать, хотя и имел репутацию отшельника. Благодаря богине в обществе даже появилась мода на прически «Артемиды» и сандалии «Артемиды». Герцог твердил, что скоро статуэтка переключится в его надежно укрепленный замок в Йоркшире. Но на будущей неделе ее еще можно будет увидеть на маскараде в его лондонском доме. Маскарад он устраивал впервые за много лет, и его темой, разумеется, была Греция.

Да, подумала Каллиопа, отбросив сомнения, Вор Лилии совершит кражу на маскараде.

– Мы все должны пойти на бал, и там...

– Ой! – прервал рассуждения Каллиопы возглас сидевшей у окна Лотти. – Там лорд Уэствуд, а с ним твой мистер Маунтбэнк, Эмлин.

Ее слова, разумеется, заставили барышень, зашуршав шелковыми лентами, кинуться к окнам.

– Ой! – воскликнула теперь уже Талия. – Он в своем чудном фаэтоне. Вот бы папа купил мне такой, уж я бы справилась с лошадьми... Но кажется, они ссорятся! Интересно, из-за чего!

Надо же, как удивительно, подумала Каллиопа иронически. Где бы ни появлялся Камерон де Вер, граф Уэствуд, там немедленно вспыхивают ссоры.

– Кэл, Клио, идите посмотрите сами. Очень забавно, – позвала сестер Талия.

Клио перестала водить пером по бумаге и вместе с остальными прикинула к стеклу, словно приготовилась наблюдать научный эксперимент. Каллиопа же не стала любопытничать по примеру подруг, как будто она глупая школьница, никогда не видевшая мужчин, а не разумная воспитанная девушка. Особенно ей не хотелось доставлять удовольствие ему. Но почему-то она ничего не смогла с собой поделать. Ее словно неодолимая сила помимо воли поволокла к окну. К

нему.

И она отложила газету и нехотя присоединилась к подругам, заглянув через плечо Талии на разыгравшуюся внизу сцену. В самом деле ярко-желтый с черным фаэтон лорда Уэствуда застрял в заторе на дороге. Гнедые лошади фыркали и гарцевали, а мистер Маунтбэнк в своем экипаже, преградившем фаэтону дорогу, кричал и жестикулировал. Его лицо над крахмальным галстуком побагровело, Уэствуд же рассеянно улыбался, словно происходящее не имело к нему отношения, и он на Друри-Лейн всего лишь сторонний наблюдатель.

– Ой, – заволновалась Талия. – Вам не кажется, что дело может дойти до драки? Это будет жутко интересно.

– Он такой красавец, – вздохнула Лотти. – Прямо как граф в «Роковой тайне Маргариты».

Красавец? Да, несомненно. Это была готова признать даже Каллиопа, хотя и с неохотой. В некоторых вульгарных кругах Уэствуда называли даже греческим богом, и с эстетической точки зрения они были правы. Если бы он сбросил свои бриджи из оленьей кожи и изящный, бутылочного цвета сюртук, то мог бы предстать перед художественным обществом в качестве ожившего Аполлона. Сейчас он был без шляпы, несмотря на яркое солнце, ветер привел в артистический беспорядок его блестящие черные кудри. Кожа, как всегда, отливала бронзой, глаза были темными и непроницаемыми. Нет, подумала Каллиопа вдруг, глядя, как лорд Уэствуд пытается успокоить мистера Маунтбэнка с легкой улыбкой на губах. Он не столько бог, сколько юный греческий рыбак, вполне земной мужчина, но загадочный, как море. Свою незаурядную внешность он, несомненно, унаследовал от матери.

Как и матушка сестер Чейз, покойная мать графа была родом из более экзотических мест, чем Англия. Она родилась не где-нибудь, а в Афинах, в семье ученого.

Мгновение казалось, что вот сейчас Уэствуд выйдет из фаэтона и грудью примет на себя гнев мистера Маунтбэнка. Барышни у окна дружно затаили дыхание, но, увы, кулачные бои на Мейфэре не были приняты. Маунтбэнк, увидев противника прямо перед собой, сбавил пыл и поспешно продолжил свой путь, едва не налетев на угол здания.

Разочарованные девицы отошли от окна и вернулись на места, снова гостиная наполнилась болтовней, музыкой и звяканьем тонких фарфоровых чашечек. Но Каллиопа задержалась у окна. Она все никак не могла отойти. Что-то приковало ее к месту, заставляя смотреть на Камерона де Вера.

А тот от души рассмеялся вслед стремительно скрывшемуся Маунтбэнку, запрокинув голову, так что волосы открыли полностью его прекрасное лицо, потом откинулся на мягком сиденье, свободный, словно пират за штурвалом корабля. Прохожие глазели на него, замороженные непринужденностью этого элегантного молодого человека, а он и не замечал их, слишком хорошо и удобно ему было с самим собой.

«Какое мне дело до него», – мрачно думала Каллиопа.

В нем нет ничего, что есть в ней. Ни ответственности, ни привязанности к семье. Она приникла лбом к холодному стеклу, наблюдая, как лорд Уэствуд подбирает вожжи, и невольно отмечая, что все его движения исполнены небрежной грации.

Ей вспомнилась их первая встреча в самом начале сезона. Неужели прошло лишь несколько недель? А как будто целая жизнь... Или всего мгновение. С той ночи, когда...

Нет! Вспоминать об этом невыносимо! Только не теперь, не в разгаре заседания общества. Кругом подружки, они заметят ее смятение, начнут расспрашивать, это ни к чему. Она ведь всегда такая собранная, спокойная. Всегда прекрасно владеет собой. Это необходимо, такой хочет видеть ее семья.

Почему же внутри все начинает дрожать, стоило ей просто увидеть, как он проезжает по улице? Что за нелепость!

Каллиопа сжала бахромчатый край шторы, собираясь занавесить окно. Но прежде чем она успела это сделать и укрыть себя и свои разбушевавшиеся эмоции от посторонних глаз, лорд Уэствуд поднял взгляд и увидел ее, он увидел, как она смотрит на него!

На его лицо набежало облако, он нахмурился, бархатистые карие глаза сузились, но почти в то же мгновение облако рассеялось, он широко улыбнулся,

блеснув белыми пиратскими зубами, и небрежно помахал ей рукой. Каллиопа невольно вздрогнула и резко задернула штору. Вот негодяй! Она отвернулась от окна, плотнее завернулась в кашемировую шаль – и поймала пристальный взгляд Клио. Каллиопа любила сестру, ближайшую к ней по возрасту и художественным наклонностям, но иногда зеленые пытливые глаза Клио приводили ее в замешательство.

– Не нужно стоять на солнце, Кэл, – мягко проговорила Клио. – От солнца у тебя так покраснелись щеки.

* * *

Каллиопа Чейз.

Камерон нахмурился, когда она опустила шторы, словно боясь впустить в дом злого духа.

Ему не должно быть до нее никакого дела. Ему и правда нет дела. Да, Каллиопа Чейз очень привлекательна. Но Лондон полон привлекательными барышнями, и многие из них далеко не такие колючие и странные. Но почему-то со времени их последней встречи, а точнее сказать ссоры, он не мог выбросить ее из головы. Так недолго стать мазохистом, подобно его эксцентричному кузену Джеральду, который платит проституткам изрядные суммы, чтобы те стегали его по ягодицам, и получает от боли удовольствие.

Камерон громко рассмеялся, представив разгневанную Каллиопу Чейз с хлыстом в руках. Картина показалась ему весьма реалистичной. Эту девицу следовало назвать именем другой мифологической героини. Она далеко не муза – изменчивая, капризная и чарующая. Она – Афина, богиня войны, в любую минуту готовая встать на защиту того, во что верит, права она или нет.

Афина с загадочной печалью в глазах...

Перед тем как свернуть на другую улицу, Кэм оглянулся через плечо, не мелькнул ли в окне локоны воронова крыла белокожей богини с блестящими глазами. Но шторы в доме Чейзов были плотно сдвинуты. Тем не менее он чувствовал, что она все еще стоит за ними. Он видел ее мысленным взором.

Молодой человек свернул в парк, чтобы сократить путь до дома, и отпустил вожжи, давая лошадям пробежаться как следует. Впереди маячил экипаж Маунтбэнка. Глупый щенок злится, что Камерон танцевал с Эмлин Сондерс. Неужели неясно, что он не стремится в конкуренты. Эмлин хорошенькая девушка, с ней есть о чем поговорить, и чувством юмора не обделена, хоть и дружит с мисс Чейз. Он с ней разговаривал, смотрел на нее, видел, что девушка мила, привлекательна и даже вполне остроумна, но его это не волновало.

Он скучал. Его преследовали скука и пустота, которую не заполнить ни клубами, ни лошадьми, ни женщинами. Всегда с ним эта холодная пустота. И забыл он о ней только однажды, когда его обожгла горячая искорка – в глазах Каллиопы Чейз.

В самом деле, она любопытное явление. Но всерьез задумываться об этом ему не очень хотелось...

Лошади запыхались после скачки по парку, и он придержал их, но на улице, ведущей к дому, внезапно образовалась пробка.

– Черт! – пробормотал Кэм, вытягивая шею, чтобы заглянуть за преградившее путь ландо. Он направлялся на музыкальный вечер, которого ждал с нетерпением – там должна была звучать древнегреческая музыка. И вот застрял.

Ландо накренилось набок, и он увидел, что перед домом маркизы Тенбрей собралась толпа, и все взгляды обращены на окно, в которое забрался накануне пресловутый Вор Лилии и похитил этрусскую диадему. Вор на какое-то время оставил светское общество в покое, и вдруг новая вылазка – это была самая свежая сенсация.

Камерон хмыкнул и откинулся на сиденье, ожидая, пока толпа рассосется. Вор Лилии – чересчур театральное прозвище. Его подвиги довольно забавны – он ловко щелкает по носу некоторых светских коллекционеров. Если бы только...

Если бы только это не было так опасно и пагубно. Кэм всегда был готов рукоплескать смельчакам, превозносить чудачества. Взять его собственную семью! Чудаки, все до единого. Но некоторые вещи слишком важны, чтобы с ними шутить, он крадет не просто дорогие вещи, а то, чему нет цены, – речь

идет об объектах исторического наследия. Кто знает, куда попадут эти предметы, какая судьба их ожидает?

Но есть ценности, до которых Вор Лилии пока не добрался. Чья судьба намного плачевнее, как, например, Артемиды герцога Авертона.

Кэм невольно дернул поводья, и лошади беспокойно вскинули головы. Он заставил себя успокоиться, забормотал животным ласковые слова. Никто так не бесил его, как Алчный Герцог!

Артемиду вывезли с ее родного Делоса, где она находилась тысячелетия. Она принадлежала Греции, а теперь стала игрушкой английского лорда. Ничтожества, который не признавал ее истинной ценности.

Ты знаешь, кто такая Артемиды? – словно услышал Кэм шепот матери. – Любимое дитя Зевса, богиня луны и охоты, Дева Серебряного Лука. Она мчится по лесу в серебряной колеснице, всегда свободная, не принадлежащая ни одному мужчине. Однажды она пустила стрелу в город неверных мужчин, и стрела пронзила их всех, не останавливаясь в полете, пока не свершилось правосудие...

А теперь она пленница, которой больше не суждено увидеть греческую луну. Что сказала бы по этому поводу высокообразованная мисс Чейз? Кэм не сомневался, что у нее есть собственное мнение об Алчном Герцоге и его последнем приобретении – Алебастровой Богине. Но поделится ли она с ним этим мнением?

Кареты снова тронулись, и он наконец продолжил свой путь. Да, Каллиопа Чейз непременно нашла бы, что сказать по этому поводу. И он вдруг осознал, что ему было бы любопытно ее послушать.

Глава 2

Каллиопа рассеянно смотрела в трюмо на свое отражение, пока горничная причесывала ее для музыкального вечера. А вечер намечался не просто любительский, где барышни с разной степенью мастерства играют на арфах и

фортепьяно. На нем предполагалось воссоздать музыку, звучавшую в античных пьесах Эсхила и Еврипида. Каллиопа ждала его с нетерпением, события такого рода всегда таили в себе для нее бездну очарования. Но сейчас ее мысли, отрывистые и смутные, неслись наперегонки, словно весенние облака.

Она не могла перестать думать о лорде Уэствуде. Он стоял перед ее мысленным взором таким, каким она увидела его в окно – беззаботно смеющимся, с растрепанными волосами. Раздраженно вздохнув, она взяла со стола белую розу и принялась обрывать ее лепестки. Это началось сразу же, как только она увидела Камерона де Вера. Он выбил ее из колеи, заставил глупо нервничать. Его насмешливая улыбка возмущала и приводила ее в замешательство. Невозможный человек, и идеи у него совершенно ложные. И отчего-то она ему сразу не понравилась.

– Мисс Чейз, – укорила ее горничная. – Так вы, пожалуй, совсем не оставите цветов для прически.

Каллиопа с удивлением обнаружила, что уничтожила обе розы.

– Извините, Мэри, – пробормотала она, бросая голый стебель на туалетный столик.

– Сделать вам Артемиду, мисс? Сейчас это самая модная прическа.

– Нет, спасибо, – вздрогнула Каллиопа, представив, что появится на вечере с такой же прической, как у всех. – Лучше мою обычную.

Мэри слегка надулась. Она всегда полагала, что даром тратит свое мастерство на Каллиопу с ее консервативными вкусами. Но юная леди ничем не могла ей помочь. Она твердо знала, чего хочет и что ей подходит.

Однажды она даже вообразила, что ей подходит Камерон де Вер. Когда он впервые вернулся в Англию после долгого путешествия по Италии и Греции, в гостиных только и говорили о том, какой он красивый и какой возмутительно безрассудный. Но не это ее прельстило. Ее заинтересовало, что он, как и она сама, изучает древнюю историю и искусства. Ей хотелось послушать о его путешествиях, поглядеть на предметы древности, которые он конечно же привез с собой ради их сохранения и изучения.

Многое говорило о том, что им суждено подружиться, ведь их отцы дружили в молодые годы. Сэр Уолтер Чейз и покойный граф Уэствудский, ученые и собиратели древностей, были друзьями-соперниками. Граф вытянул козырную карту в этом соревновании коллекционеров – нашел невесту, самую настоящую гречанку, в то время как Чейз женился на француженке. И Каллиопа, и Камерон росли в окружении прекрасной старины, хотя после того, как де Веры отправились в свое долгое заграничное путешествие, когда их сын был еще мальчиком, они не виделись.

Когда уже взрослым он вернулся в Лондон, Каллиопа, слушая сплетни о нем, позволила зародиться в сердце робкой надежде. Может, наконец, появился мужчина, способный понять ее? Разделить ее увлеченность, чего не мог никто из ее прежних поклонников? Но надежда рухнула, стоило им встретиться лицом к лицу на приеме, который он устроил в городском особняке его родителей, теперь принадлежавшем ему.

Каллиопа с раннего детства обожала бюст Гермеса, некогда украшавший вестибюль особняка. Ее отец мечтал купить его, но старый герцог, к разочарованию Каллиопы, отклонял все предложения. А она так любила озорную улыбку Гермеса, такую живую на холодном мраморе, любила его крылатый шлем и завитки кудрявых волос. В день приема она в страшном волнении ждала, что вот сейчас снова увидит Гермеса своего детства.

Но его там не оказалось! Ниша в стене пустовала, как и все другие ниши, некогда вмещавшие изысканные вазы и кубки. Отец и сестры уже присоединились к гостям в зале, а пораженная Каллиопа замешкалась в вестибюле. Она стояла у опустевшей ниши, не отрывая от нее взгляда, словно надеялась заставить Гермеса возникнуть из пустоты. Похоже, что ее надежда – снова увидеть прекрасные памятники античности, встретив нового графа, поговорить с ним об этих бесценных сокровищах и, возможно, завязать дружбу – потерпела крушение. А Каллиопа не любила, когда рушились ее надежды.

– Так-так, – услышала она низкий бархатистый голос, неуловимо насмешливый, – видимо, вы и есть пропавшая мисс Чейз.

Каллиопа оглянулась через плечо и увидела в нескольких шагах от себя молодого мужчину. Он улыбался ей, и эта улыбка усиливала его сходство с ее дорогим Гермесом. Он был одет в модные светло-коричневые бриджи, темно-

синий скюртук и светлосерый парчовый жилет, просто завязанный галстук украшала камея. Но в этом английском вестибюле он выглядел чужестранцем, с его бронзовым загаром и слишком длинными вьющимися черными волосами. Только карие глаза показались ей знакомыми.

«Греческий бог, – вспомнила она слова Лотти, – ох, Кэл, он настоящий греческий бог».

– А вы, значит, лорд Уэствуд, – сдержанно ответила она, смущенная своей реакцией на него, особенно на его улыбку. Не так она представляла себе эту встречу.

– Да, это я и есть, – ответил он, приближаясь, грациозный, как леопард. Он подошел так близко, что она почувствовала лимонный запах его одеколона, ощутила тепло тела. И невольно попятилась к успокоительной прохладе мраморной ниши.

– Здесь когда-то стоял бюст Гермеса, – сказала она, с трудом сглатывая слюну, чтобы унять внезапную дрожь в голосе. – Он был очень красивый.

– Да, очень красивый, – ответил он, не отводя от нее взгляда. – Но я вернул его в Грецию. На его родину.

И тогда она поняла, что им никогда не стать друзьями...

* * *

– Что скажете, мисс Чейз?

Каллиопа подскочила на стуле, выведенная из задумчивости вопросом Мэри. Она посмотрела в зеркало и увидела, что у нее пылают щеки и неестественно блестят глаза. словно эта сцена в вестибюле особняка де Веров произошла не несколько недель назад, а только что. Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, внимательно посмотрела в зеркало, ее необузданные кудри были приглажены, волосы гладко зачесаны назад в привычный тугий узел и украшены оставшимися белыми розами.

– Прекрасно, как всегда, Мэри, – пробормотала Каллиопа, переведя дыхание.

Довольная Мэри кивнула и направилась за шалью и туфлями. Каллиопа взяла жемчужные сережки, пытаясь выкинуть из головы тот эпизод и сосредоточиться на предстоящем вечере. Камерон де Вер не имеет никакого значения! Обычный заблуждающийся человек. Ну, немного красивее других.

Едва она вдела серьги, как в дверь постучали.

– Карета ждет, мисс Чейз, – объявил дворецкий.

– Спасибо, – ответила Каллиопа, глубоко вздохнула и медленно поднялась.

* * *

– Если бы у леди Рассел перья были еще чуточку выше, она улетела бы в небо, как обезумевший попугай, и гости остались бы без хозяйки, – прошептала Клио, склоняясь к уху Каллиопы.

Каллиопа прижала руку в перчатке к губам, чтобы не рассмеяться. Вид у устроительницы музыкального вечера и в самом деле был довольно причудливый – из пурпурно-зеленого атласного тюрбана вверх устремлялись фонтаном разноцветные перья. Клио всегда вела себя сдержанно и скромно, заставляя окружающих считать, что она не имеет своего мнения и не заслуживает их внимания. Но они ошибались. Проницательные зеленые глаза все подмечали, и время от времени Клио роняла неожиданно едкое и точное замечание. Сравнение с попугаем было еще вполне невинным.

– А мисс Прэт-Бекворт? – прошептала в ответ Каллиопа. – Видимо, бедняжке кто-то сказал, что оранжевые ленты – гвоздь сезона, и она поверила!

– Но они все-таки лучше, чем тот ядовито-зеленый кошмар, который был на ней в опере. Может быть, нашему обществу стоит взять над ней шефство? – озабоченно покачала головой Клио.

Они с Каллиопой прохаживались по залу, стараясь не смотреть на весьма посредственную картину с бушующим морем, которой вслух притворно

восхитились. Вечер греческой музыки не был особенно привлекателен для лондонского света, но леди Рассел была фигурой популярной, в тюрбане и без него, и ей удавалось собирать вокруг себя людей философского склада. Зал быстро заполнялся, гости в ожидании музыки кружили у поставленных рядами позолоченных стульев, болтали, потягивали лимонад, а кто-то более крепкие напитки. Здесь не было жуткой толчеи, можно было не бояться, что вспотеешь, упадешь в обморок или тебе наступят на шлейф. Сего дня предполагалось говорить о музыке и истории, что было так по душе Каллиопа. Но она все никак не могла сосредоточиться на теме сегодняшнего вечера. Она была слишком взволнована.

Клио сняла очки и потерла переносицу. В отличие от Каллиопы, которая предпочитала ходить в муслиновых белых платьях, Клио была в изумрудно-зеленом, шелковом, с золотой вышивкой, а ее каштаново-рыжие волосы украшала золотистая лента.

– Как думаешь, Кэл, Вор Лилии сейчас здесь? – спросила она.

Каллиопа подобралась. Как она могла забыть? Она быстро оглядела собрание, молодых людей здесь собралось немало – высокие, маленькие, привлекательные, невзрачные. Но не было того, кого она искала.

Может, оттого ей так беспокойно? Ну уж нет! Ее нисколько не заботит времяпрепровождение Камерона де Вера. Она просто подумала, что вечер греческой музыки может его заинтересовать...

– Вряд ли, – проговорила она.

– Так ты все-таки догадываешься, кто это может быть? – спросила Клио. – Ты знаешь?

– Ничего я не знаю, – с досадой ответила Каллиопа. – Откуда мне знать? Я просто строю предположения.

– Но ты считаешь, что тут его нет?

Каллиопа кивнула.

– Тогда откуда?.. – Но Клио не успела договорить, потому что ее окликнула Талия, которая на другом конце комнаты рассматривала музыкальные инструменты – к неудовольствию музыкантов.

Клио отошла, оставив Каллиопу в одиночестве. Здесь были хорошие знакомые, с кем следовало поздороваться, но Каллиопа чувствовала, что будет не слишком приятной собеседницей, в то время как ее мысли целиком заняты де Вером и Вором Лилии. Она поставила пустой бокал на ближайший столик и двинулась в сторону от толпы к дверям, ведущим в оранжерею.

В застекленной оранжерее было тепло, пахло влажной землей и цветами. Расставленные там и тут чугунные скамейки манили присесть. Каллиопа была рада побыть в тишине и собраться с мыслями. В дальнем конце оранжереи была установлена группа античных фигур – каменная Афродита и ее полуодетые прислужницы равнодушно созерцали цветник. Их холодное совершенство заставило восхищенную Каллиопу подойти ближе.

– Если бы мне быть такой, как ты, – прошептала она надменной Афродите. – Уверенной. Неизменной. Без страхов и сомнений.

– Это было бы чрезвычайно скучно, – произнес голос Уэствуда.

– Вы следили за мной? – спросила она, почти не удивившись, поворачиваясь к нему.

– Вовсе нет, мисс Чейз, – ответил он, одаривая ее одной из своих чарующих улыбок. – Я здесь уже давно наслаждаюсь уединением и бокалом вина. – Он показал полупустой бокал. – А тут входите вы и разговариваете сами с собой. Невозможно было не услышать.

Каллиопа отвела назад ладони, прижала их к холодному камню и с достоинством выпрямилась. Его коньячного оттенка глаза, матовые, глубокие, кажется, видели слишком много. Каллиопа совершенно растерялась.

– Я тоже искала уединения, – наконец нашлась она. – Пока не начнется музыка.

Он понимающе кивнул.

– Люди иногда хотят слишком многого. А единственное прибежище – это одиночество.

Он сделал шаг к ней, затем другой. Каллиопа почувствовала озноб, но он смотрел уже не на нее, а на статую.

– Вы выбрали хорошую наперсницу, – заметил он. – Она выглядит такой... всезнающей. Ведь за свою долгую жизнь она успела повидать все.

Каллиопа тоже перевела глаза на Афродиту, на ее потрескавшийся круглый белый подбородок, на струящиеся локоны. Она в самом деле казалась всезнающей и... насмешливой, как сам Уэствуд.

– Интересно, как ей нравятся рауты леди Рассел? По сравнению с греческими пирами?

Он засмеялся громко и бесцеремонно, и этот смех пробрал ее до косточек.

– Она, я думаю, находит их весьма пресными. Ведь прежде она стояла в святилище храма Афродиты, а там происходили...

– Оргии?

Он взглянул на нее с неожиданным интересом:

– О, мисс Чейз! Вы меня шокируете.

От его взгляда у Каллиопы запылали щеки, но она усилием воли прогнала жалкий румянец. Ученому чужда излишняя щепетильность.

– У моего отца большая библиотека по античной литературе. Я много читала, даже «Письма Леванта» Джона Голта. И путевые заметки леди Мэри Вортли Монтегю.

– Ну разумеется. Значит, после оргий музыкальные вечера кажутся ей чересчур скучными. Уверен, она обрадовалась, когда вы заговорили с ней.

Каллиопа прикоснулась к сандалие на ноге Афродиты, холод камня проник сквозь тонкую лайку перчатки. Безмолвная наперсница – лучшая из всех.

– Была бы ваша воля, вы отправили бы ее разрушаться на руины ее храма, и мне было бы не с кем поговорить.

– Ах, мисс Чейз. – Он наклонился к самому ее уху, и его теплое дыхание зашепотало ей висок. – Кто сказал, что оргиям пришел конец?

Каллиопа во все глаза смотрела на него, замороженная его голосом, дыханием, взглядом. Ее словно парализовало, она не могла ни шевельнуться, ни отвернуться. Время замерло, существовал только он один.

Казалось, что и он удивлен этим мгновением, что бы оно ни означало. Он смотрел ей в глаза, приоткрыв губы, бокал в его руке замер в неподвижности.

– Мисс Чейз... я...

Тут в приоткрытую дверь оранжереи ворвались звуки настраиваемых инструментов, словно проза вторглась в возвышенную волшебную поэму. Он отодвинулся, она отвернулась и глубоко вдохнула. Ей казалось, что она только что пробежала длинную дистанцию – вся разбита, и ей не хватает воздуха.

– Не пройти ли нам в зал? – произнес он натянуто.

– Да, конечно, – прошептала Каллиопа и двинулась вперед по проходу, прижимая ладони к горячим щекам. Он шел за ней, она слышала его шаги, шорох его сюртука. Хорошо, что он не вздумал предложить ей руку!

Глава 3

Каллиопа, пытаясь унять сердцебиение, опустилась на свободный стул рядом с сестрой как раз в тот момент, когда музыканты кончили настраивать инструменты. Покосившись на нее, Клио сунула ей в руку программку.

– Ты куда пропала, Кэл?

– Просто заглянула в оранжерею, – прошептала в ответ Каллиопа, противясь желанию использовать программу в качестве веера. И почему у леди Рассел всегда так натоплено в комнатах? – Полюбовалась статуей Афродиты.

Клио, поджав губы, с непонятным выражением уткнулась в программку.

– Ты заподозрила, что она станет следующей жертвой Вора Лилии? Исчезнет во мраке ночи ради его гнусных целей?

– Нет, конечно. Афродита шесть футов высотой! Разве что Вор Лилии в прошлой жизни был Геркулесом.

– Кто знает? Он мог бы поднять ее наверх и... – Она замолчала, потому что в это мгновение в зал вошел лорд Уэствуд и небрежно прислонился к колонне. Он перехватил настороженный взгляд Каллиопы и вдруг... дерзко подмигнул ей. Каллиопа, вспыхнув, мгновенно отвела глаза. Где она, мраморная холодность Афродиты, когда она так нужна?

– Ты одна была в оранжерее, Кэл? – пробормотала Клио.

– Когда я уже собралась уходить, туда зашел лорд Уэствуд, – нехотя произнесла Каллиопа.

– И вы снова успели поссориться?

– Я никогда ни с кем не ссорюсь.

– Неужели никогда?

– Вы с Талией – другое дело. Вы сестры, и ссориться с вами дома дозволительно, но с посторонними людьми в гостях – совершенно недопустимо! Мы с лордом Уэствудом только и обсудили разницу в наших взглядах на искусство.

– А... – уклончиво протянула Клио. – Кажется, хозяйка хочет сказать пару слов.

Каллиопа редко была кому-то так благодарна, как леди Рассел за ее своевременное выступление. Обычно ей казалось, что она может довериться сестре во всем и спокойная чуткость Клио сгладит любую неприятность или обиду. Но бесполезно сейчас пытаться ей объяснить, какие чувства вызвала в ней встреча с Камероном де Вером.

Каллиопа злило то, что она смущена. Конечно, было бы хорошо избегать встреч с ним, но для этого пришлось бы безвылазно сидеть дома. Ему бы следовало вернуться в Грецию и продолжить там свою вредную деятельность, подальше от нее...

Каллиопа сплела пальцы на коленях, чтобы унять в них дрожь, и стала пристально смотреть на глупые разноцветные перья леди Рассел, успевшие основательно сбиться набок.

– Добрый вечер, друзья мои, – начала леди Рассел, вскидывая вверх руки, словно и правда была попугаем, собравшимся взлететь. – Я очень рада, что вы собрались у меня по такому особенному поводу. Мы впервые за много веков услышим мелодии и напевы, звучавшие когда-то в Древней Греции. На основе копии фрагмента, по счастью пережившего Ренессанс и спрятанного в одном из итальянских монастырей, мы воссоздали «Дельфийский гимн Аполлону» Теренция. Инструменты, которые вы сегодня услышите, очень напоминают авлос, лиру, кифару.

Она взмахнула руками, и появилось двое слуг, которые несли кратер – сосуд для вина с широким горлом. Гости заволновались. Это было одно из уникальных сокровищ леди Рассел, привезенное из Греции несколько десятилетий назад ее дедом. Она очень редко показывала этот кратер, поговаривали, что она хранит его в своей спальне, чтобы любоваться им в свое удовольствие. Кратер был прелестен и в очень хорошей сохранности – если не считать отсутствия одной ручки и пары трещинок. На нем были изображены сцены пира – возлежащие гости с кубками, танцоры, музыканты, чьи древние инструменты в самом деле напоминали те, что держали в руках музыканты, сидевшие в гостиной леди Рассел.

«А кратер представляет собой соблазнительный объект для Вора Лилии», – подумала Каллиопа, любуясь его изящными формами.

– А теперь, дорогие гости, – продолжала леди Рассел, – закройте глаза и представьте, что вы сидите в греческом амфитеатре много тысячелетий назад.

– Странно, что она не заставила нас всех нарядиться в хитоны и сандалии, – прошептала Клио. – Вот это было бы зрелище. В особенности хорош был бы лорд Эринг. Бедняжка весит, наверное, фунтов триста, вряд ли во всем Лондоне нашлось бы столько муслина, чтобы охватить его талию.

Каллиопа хихикнула, прикрывшись программкой. Ей приходил в голову только один человек, на котором хитон выглядел бы уместно, – конечно, это был не лорд Эринг. Она украдкой взглянула на лорда Уэствуда поверх программки. Он тоже разглядывал кратер, и легкая морщинка пересекала его лоб. Задумчивый Аполлон.

Интересно, о чем он думает?

* * *

Камерон проводил взглядом кратер, вынесенный слугами из комнаты. Как он прекрасен и какая трагедия, что его так редко кто-нибудь видит! Редко восхищается. Как этрусскую диадему леди Тенбрей, его вырвали из естественной среды и держат под замком для удовольствия тщеславия маленькой кучки людей, а подлинное его назначение давно забыто. А кратер этот создали для пиров и веселья.

Но в этот момент его занимала не столько судьба несчастного кратера, а искусно выгравированная фигурка женщины на его полированном боку. Ее гибкое тело, облаченное в струящиеся одежды, склонилось к лире. Темные кудри, перехваченные лентой надо лбом, свободно обрамляли овальное лицо – задумчивое и серьезное по сравнению с веселыми гримасами скачущих вокруг танцоров. Она слышала только свою музыку, погрузившись в мир собственных мыслей и чувств.

Для этой женщины давних времен вполне могла послужить моделью Каллиопа Чейз. Такая же стройная, темноволосая красавица, серьезная и прямодушная.

Когда музыка – странная, нестройная, будоражащая – заполнила комнату, он перевел взгляд с исчезнувшего кратера на одну из его материализовавшихся фигур. Каллиопа, только что над чем-то хихикавшая с сестрой, теперь восторженно смотрела на музыкантов, приоткрыв розовые губы, а ее темные глаза сияли так, словно видели давние тени прошлого, которые ожили и обрели краски и звучание. Когда Камерон, путешествуя, встречал старинные храмы и театры, то видел не руины, но средоточия жизни, которыми они некогда были. Места, где собирались люди, где разговаривали, смеялись, любили, создавали произведения искусства, бессмертные творения смертных.

Каллиопа Чейз тоже умела оживлять прошлое. Он осознал это по тому, как она смотрела на статую или на этот кратер, как слушала забытую музыку, снова возвращенную к жизни. И теперь он размышлял над тем, почему она, чувствуя то же, что и он, понимая истинную ценность наследия, оставленного им предками, оправдывала то, что эти предметы держались взаперти, вдали от их родины?

Она была по-настоящему красива, совсем как эта женщина с лирой. Умная, пылкая, но, кажется, слишком упрямая.

Видно, почувствовав его взгляд, она посмотрела на него. На мгновение с нее спала защитная вуаль, которой она прикрывалась. Ее взгляд был открытым, незащищенным, глаза блестели от слез. Мрачная красота музыки тронула ее так же, как его самого, и на мгновение их связало очарование прошлого. Но вуаль тут же снова опустилась, девушка отвернулась, и он видел теперь только черные локоны на изгибе шеи, белое обнаженное плечо. Но волшебство продолжало действовать... Таинственная мерцающая нить, соединившая их, заставила его прижаться губами к впадинке на ее затылке, проложить поцелуями дорожку вдоль ее спины, вдыхая теплый запах кожи. Почувствовать, как она дрожит под его прикосновениями, как, наконец, вскрикивает, и он видит ее подлинную суть.

Но какой она окажется? В самом деле прекрасной музой – или Горгоной, несущей гибель? Только безумный мог увлечься одной из Муз Чейзов, а Камерон хотел подольше сохранить ясность рассудка.

Внезапно музыка, жаркая комната, очарование Каллиопы Чейз показались чрезмерными для него. Былое неистовство охватило его, словно лихорадка. Он повернулся и вышел из комнаты в фойе. Там слуги устанавливали кратер на

постамент, где после концерта его можно будет рассмотреть с безопасного расстояния. Он стоял так высоко, что до него нельзя было дотянуться без стремянки, которую слуги, уходя, забрали с собой. Но со своего места Камерону было хорошо видно девушку, играющую на лире. Даже жемчужинки на ее ленте и маленькую сандалию, выглядывавшую из-под ее одеяния. Отсюда она еще больше походила на Каллиопу Чейз. Такая же красивая и неприступная.

– Прикидываете, как его украсть? – спросила Каллиопа.

Камерон обернулся и увидел ее в дверях. Ее карие глаза смотрели на него не мигая, а лицо оставалось спокойным и непроницаемым. Но он почувствовал, что она вся напряжена.

Не стоило удивляться ее подозрениям. Они не ладили с первого же момента их встречи в его доме, когда она обнаружила исчезновение Гермеса из ниши. В последующие встречи спор только обострился. И все-таки его больно укололи. Пока он слушал музыку и в его голове роились странные мысли о ее шее, коже, он чувствовал себя таким близким ей. И ее тайна показалась почти разгаданной. Но она, как видно, считает его Вором. Она не чувствовала никакой связи с ним. Она не муза и не Горгона, она – холодный судья. Равнодушная Афина, он был прав, когда окрестил ее так в своих мыслях.

Камерон проглотил обиду, демонстрируя беззаботность и безразличие. Равнодушие, под стать ее собственному.

– Если вы соблаговолите подойти ближе, мисс Чейз, то сможете проверить собственноручно, прячу ли я в кармане свежую лилию, – произнес он небрежным тоном, словно ее подозрения несколько его не задели. И сам шагнул к ней, разведя в стороны полы сюртука, чтобы она увидела, что шелковая подкладка нигде не топорщится. Она осталась на месте, но ее плечи слегка приподнялись.

– Я не такая глупышка, лорд Уэствуд.

– Разумеется, нет, мисс Чейз. Глупышкой вас никак не назовешь. Вы всего лишь немного заблуждаетесь.

В глубине ее непроницаемых глаз вспыхнула слабая искра. Но она не клюнула на его наживку.

– И все же я не настолько заблуждаюсь, чтобы пойти на преступление ради доказательства своей правоты. Я не ценю честь моей семьи или интересы науки так дешево. Те из нас, кто пользуется преимуществом хорошего образования и имеет возможность путешествовать, должны...

– Но кто вы такая, мисс Чейз, чтобы читать мне лекции о долге? Или чести? – Его гнев, который он до сих пор держал в узде, вырвался, наконец, наружу огненным фейерверком. Желание, которое он к ней испытывал, ее красота, упрямство, его собственная досада – все вместе могло свести с ума!

Камерон подошел к ней так близко, что почувствовал запах роз в ее волосах, увидел тонкий голубой узор вен под кожей цвета слоновой кости, пульсирующую жилку у основания шеи. Жадное желание схватить ее в объятия и целовать до тех пор, пока эта ледяная корка не растает, стало почти непреодолимым...

Она не отвернулась, не попятилась и продолжала смотреть на него в упор, широко раскрытыми глазами, только жилка на шее билась так часто, что он почти слышал стук ее сердца. Он даже протянул вперед руку, уже намереваясь сжать ее гладкое предплечье над перчаткой, но последний проблеск здравомыслия заставил его опустить руку и отойти.

– Вы меня плохо знаете, мисс Чейз, – произнес он хрипло.

Она приоткрыла рот, но ничего не сказала. На миг по ее лицу пробежала тень сомнения. Пробежала и исчезла.

– А что мне еще остается думать? – удивилась она. – И откуда вообще я могла вас узнать хорошо?

С Камерона было довольно. Он повернулся и вышел из дома, миновав удивленного дворецкого. Оставив позади огни и музыку салона леди Рассел, он двинулся вдоль безлюдной улицы. Ночной воздух был холодным и влажным. Но Каллиопу Чейз он не смог оставить позади. Ее осуждающий призрак неотступно преследовал его. Освободиться от него можно было только в единственном месте, весьма далеком от этих утонченных господ. Называлось оно «Кости дьявола» и пользовалось весьма сомнительной репутацией.

* * *

Едва парадная дверь особняка леди Рассел захлопнулась за лордом Уэствудом, Каллиопа без сил прислонилась к колонне. Последние остатки воли, которые ее поддерживали, стремительно унеслись холодным потоком, оставив ее ослабевшей и дрожащей. Почему всякий раз, как она видит его, с ней случается такое? И почему они непременно ссорятся?

Сзади открылась и вновь закрылась дверь гостиной, и по паркету зашелестели легкие шаги.

– Кэл? – прошептала Клио. Крепкая рука обвилась вокруг ее талии, и Каллиопа благодарно оперлась на нее. – Что случилось? Тебе плохо?

– Нет, нет... мне нужно только немного воздуха.

– Так ты была тут одна?

– Не совсем. Но я сказала кое-что лишнее, как всегда в разговоре с ним, и он ушел. Почти бегом выбежал на улицу, только чтобы не оставаться со мной. – Каллиопа понимала, что несет бессмыслицу. И не понимала себя. Какое ей дело, что Камерон де Вер, скорее всего дерзкий преступник, убежал от нее? Она и сама не хотела оставаться с ним наедине.

Так ли это?

Клио озадаченно обернулась на дверь:

– Кто выбежал на улицу?

– Лорд Уэствуд, конечно.

– Ты хочешь сказать, что беседовала здесь с лордом Уэствудом и он так рассердился, что убежал? – Клио подняла взгляд на греческий сосуд на постаменте, и он стал жестким и сосредоточенным. – Что с тобой, Кэл? Неужели ты обвинила его в том, что это он – Вор Лилии?

Каллиопа прижала к пылающим щекам руки в перчатках, пытаясь изгладить воспоминание о своих нелепых, необдуманных словах и его гневе.

– Кажется, да...

– Кэл! – простонала Клио. – Что на тебя нашло? Я бы не удивилась, если бы такое сказала Талия. Она и самого дьявола вызвала бы на дуэль. Но ты! Ты не заболела? Может, у тебя жар?

– К сожалению, нет, это бы меня хоть как-то оправдывало.

– Бедняжка Кэл, – покачала головой ее сестра. – Но я думаю, он никому об этом не расскажет, все-таки наши отцы были друзьями.

– Наверное, не расскажет. Разве что главному врачу сумасшедшего дома.

Клио засмеялась:

– Видишь, ты шутишь, значит, еще не все потеряно. Когда увидишь его в следующий раз, скажи, что это музыка на тебя так подействовала.

– Или вино, – пробормотала Каллиопа. Она пригладила волосы, расправила юбку, чувствуя, как снова становится сама собой. – Хотелось бы больше никогда с ним не встречаться.

– Едва ли это получится. Наш мирок так тесен. – Клио снова взглянула на кратер. – Но все-таки почему ты его заподозрила?

Каллиопа пожала плечами:

– Мне вдруг показалось, что он способен на безрассудный поступок... В конце концов, свои собственные античные ценности он ведь увез в Грецию! Может, он считает, что и остальные должны поступить так же. Сама не знаю. Это был просто... порыв.

– Вот теперь я уверена, что у тебя температура! Ты – и поддалась порыву! Невероятно!

– Можешь дразнить меня сколько хочешь, – улыбнулась Каллиопа. – Я сама знаю, что обычно, прежде чем сделать вывод, изучаю вопрос долго и тщательно.

– До полного изнеможения, – пробормотала Клио, но Каллиопа, не обратив внимания, продолжала:

– Я должна быть уверена. Но разве подвиги Вора Лилии не в его духе? Надо быть достаточно ловким, чтобы бывать в нужных домах и оставаться вне подозрений. Надо разбираться в античности, ведь крадут только самые прекрасные, исторически ценные предметы древности. Надо иметь мотив, а лорд Уэствуд его имеет. И надо не считаться со светскими условностями. Как лорд Уэствуд.

– Знаешь, Кэл, – тихо сказала Клио, – а ведь, похоже, ты восхищаешься этим Вором Лилии.

Каллиопа немного подумала. Восхищается ли она Вором Лилии? Этим опасным преступником, ведь он похищает не только вещи, но саму историю! Чушь!

– Я, возможно, восхищаюсь его вкусом, но уж, конечно, не его целями. Меня ужасает исчезновение таких сокровищ. Тебе это известно.

Клио кивнула:

– Я знаю, как тебя это расстраивает. Но ради бога, не поддавайся снова порывам при встрече с лордом Уэствудом! У нас же против него нет никаких доказательств.

– Пока нет. – Музыка за дверью гостиной стихла, грянули громкие аплодисменты. – Кажется, концерт окончен. Возьмем Талию и двинемся домой? Уже довольно поздно.

– Доброе утро, мисс Каллиопа! – пропела Мэри, раздвигая шторы и впуская в спальню серовато-желтый свет позднего утра. Каллиопа зажмурилась, подавляя желание натянуть одеяло на голову. Неужели пора вставать? Она же только что заснула. Больше половины ночи она беспокойно ворочалась, вспоминая свои необдуманные слова, сказанные лорду Уэствуду. И гнев, вспыхнувший в его глазах.

Клио права, у нее был жар. Только этим можно объяснить, что она так преждевременно открыла свои карты. Теперь ей его ни за что не поймать. Необходимо перестроиться. Сменить тактику. Исходной точкой будет считаться бал у герцога Авертона. Дамское художественное общество покажет, на что оно способно.

– Вам понравился вчерашний музыкальный вечер, мисс? – спросила Мэри, ставя на столик поднос с какао и ватрушкой.

– Да, Мэри, – ответила Каллиопа, подсунула под спину подушку и села, опираясь на резную спинку, готовая встретить новый день. Никто не выигрывает сражений, лежа в кровати. – Сестры уже встали?

– Мисс Талия уехала на свой урок музыки, – ответила Мэри, отворяя шкаф. – Мисс Клио завтракает с вашим папенькой и мисс Терпсихорой. Она вам послала записку.

Пока Мэри готовила ей платье на сегодня, Каллиопа, жуя ватрушку, прочла послание сестры.

Кэл, – писала Клио своим размашистым почерком, – по-моему, нам не помешает хорошая прогулка. Может, возьмем Хори посмотреть на элгинские статуи? Она их обожает, а мы сможем поговорить спокойно, подальше от папиных ушей.

Каллиопа вздохнула. Может, в Британском музее их не услышит папа, зато услышит весь остальной Лондон. Но Клио права. После прошлого вечера надо проветрить мозги, и лучше всего это сделать среди прекрасных статуй Парфенона. Терпсихора – по-домашнему Хори – милый ребенок, только что достигший тринадцати лет и страстно желающий поскорее стать настоящей леди. Она недавно приехала из загородной усадьбы, где оставались младшие сестры со своими гувернантками и нянями.

В музее они вряд ли столкнутся с лордом Уэствудом, он, скорее всего, раньше двух не поднимается, а элгинские статуи воплощают то, что он так ненавидит – отнятые у Греции сокровища, ублажающие лондонскую публику.

– Мэри, приготовьте платье для прогулок и теплую мантилью, – распорядилась она, проглотив последний глоток какао. – И подайте мой письменный прибор – мне надо написать письма членам общества.

Пора составить план сражения.

* * *

Британский музей был фактически вторым лондонским домом Чейзов. Их водили туда в раннем детстве родители и прививали любовь к прошлому, показывая артефакты, рассказывая красочные истории. Многие их любимые экспонаты – греческие вазы, египетские скульптуры, шлемы викингов – были запечатлены в маминых рисунках, которые после ее смерти, случившейся три года назад при родах последней из муз – Полигимнии, – бережно хранились у Клио.

Но матушке не довелось увидеть любимую экспозицию сестер – пока временную, которая должна была превратиться в постоянную. Туда они и направлялись сейчас, поднявшись по широким каменным ступеням и окунувшись в священную тишину музея.

– А мы сходим после статуй к мумиям? – взволнованно спросила Хори.

Клио засмеялась:

– Ты невозможный ребенок! Тебе просто хочется в следующем письме напугать младших страшилками о мумиях! Ну хорошо, если останется время, мы заглянем к ним.

Хори наморщила нос:

– Просто заглянуть – мало. Элгинские статуи вы можете рассматривать часами.

– Тебе же самой они нравятся, глупышка, – сказала Каллиопа. – Может быть, после статуй и мумий мы успеем еще зайти в кафе через дорогу и съесть мороженое.

Радостно улыбаясь в предвкушении мертвых египтян и сладкого, Хори в очередной раз принялась зарисовывать свою любимую статую – лошадь, запряженную в фаэтон Луны, уставшую после трудного путешествия по небесам. А Каллиопа и Клио отошли к стене, где на бордюре был изображен праздник в честь Афины – Панафинеи. Здесь за массивной статуей Тезея и самой богини было спокойнее. Каллиопа смотрела на вереницу дев в хитонах с сосудами вина и благовоний в дар богине. Расставлены они были не очень удачно, зал маловат и плохо освещен, стены темные. Но Каллиопа всегда получала удовольствие, разглядывая их, упиваясь классической красотой сцены. А сегодня приглушенный свет ее даже устраивал, он скрывал следы бессонницы на ее лице.

– Я назначила на завтра очередное заседание общества, – объявила Каллиопа.

Клио, не отрывая глаз от первой фигуры в процессии – высоко поднимавшей курительницу, – опустила вниз уголки губ.

– Опять? Мы же договорились встречаться раз в неделю.

– Дело срочное. Приближается бал у герцога Авертона. Мы должны подготовиться к тому, что может на нем случиться.

– Ты до сих пор веришь, что кое-кто собирается украсть Алебастровую Богиню?

– Я... не вполне уверена. Потому и считаю, что следует быть готовыми ко всему. Или ни к чему. Бал может пройти вполне мирно, а статуя остаться на месте...

– Но она не останется на месте, – прошептала Клио, стискивая сложенный зонтик, и Каллиопа на миг испугалась, что она махнет им, пронзив какого-нибудь зазевавшегося посетителя музея. – Авертон намеревался отправить ее в свой угрюмый Йоркширский замок, где ее уже никто никогда не увидит. Что за мерзкий эгоист! Ты считаешь, что для бедной Артемиды такая участь лучше, чем попасть в руки Вора Лилии?

Каллиопа прикусила губу.

– Его поделом зовут Алчным Герцогом, и мне он нравится не больше, чем тебе. Он человек... странный. Но так мы, по крайней мере, будем знать, где статуя находится, и однажды она попадет в музей или к истинному любителю древностей. А если ее заберет Вор Лилии, она пропадет навсегда! И больше никто о ней ничего не услышит.

– Честное слово, Кэл, я тебя, конечно, очень люблю, но иногда ты ничего не понимаешь! – Сердито размахивая зонтом, Клио отошла от сестры, оставив ее в одиночестве.

Каллиопа снова посмотрела на процессию, пытаясь успокоиться. Они с Клио были близки, как только могут быть сестры, их соединяли любовь к истории и необходимость заменять мать младшим сестрам. Она знала, что Клио вспыльчива, но отходчива. Но от этого их пустяковые ссоры не становились менее болезненными.

Какие причины в последнее время заставляют ее все время ссориться? Сначала с лордом Уэствудом. Теперь с сестрой. На глаза Каллиопы навернулись слезы, и она поспешно вытерла их, но когда подняла взгляд, то в первое мгновение решила, что ей мерещится. Прямо перед ней стоял лорд Уэствуд и пристально смотрел на нее. Его блестящие кудри, небрежно откинутае со лба назад, делали его похожим на одну из греческих статуй. Она моргнула, но он никуда не исчез. Она прерывисто вдохнула и неуверенно улыбнулась:

– Лорд Уэствуд?

– Мисс Чейз, – откликнулся он. – Получаете удовольствие от экскурсии?

– Да, очень большое. Мы с сестрами ходим в музей при каждой возможности. – Она кивнула в сторону Хори, которая все еще трудилась над лошадиной головой, и склонившейся к ней Клио.

– Я тоже часто сюда прихожу, – сказал он.

– Правда? Наверное... все здесь напоминает вам о родине вашей матушки, – осторожно произнесла она.

– Да, – кивнул он. – Все сказки, которые она рассказывала мне в детстве, были о богах и богинях и о музах тоже.

Каллиопа улыбнулась:

– Наверное, вы еще тогда поняли, как переменчивы бывают музы.

Он улыбнулся в ответ, и эта мимолетная улыбка осветила темный угол комнаты, где они стояли.

– Да, я слышал об этом. Сегодня муза вам улыбается, завтра ее и след простыл. Наверное, в этом и кроется ее очарование.

Очарование?.. Неужто он находит ее очаровательной? Она, скорее, ждала таких эпитетов, как колючка или вредина.

Впрочем, и она думает о нем в подобном духе. Невозможный, несносный человек... и в то же время странно притягательный. Каллиопа отогнала эти волнующие мысли и сказала:

– Еще музы иногда забывают о хороших манерах. Говорят то, что не следует, и потом им приходится извиняться.

– Это следует понимать как извинение, мисс Чейз?

– Боюсь, что да, – вздохнула Каллиопа.

Он схватился за сердце и попятился назад, словно глубоко потрясенный:

– Не может быть!

Она засмеялась.

– Я не хочу позволить вам думать, что меня плохо воспитали, лорд Уэствуд. Мне не следовало разговаривать так с вами вчера. Моя сестра считает, что тут виноваты музыка и выпитое вино, но я, по правде сказать, так не думаю. Скорее я просто потеряла контроль над собой.

– Думаю, что и я до сих пор плохо контролировал себя, разговаривая с вами. Может быть, начнем с чистого листа? Заключим мир?

– Да, мир.

– Тогда пойдемте, я покажу вам свою любимую статую. – Он предложил ей руку, и стоило Каллиопе легко опустить на нее свои пальцы, как она ощутила сквозь рукав сюртука тепло его кожи и крепость мышцы. Его рука слегка напряглась, словно он тоже что-то почувствовал. Эту странную, невидимую связь?

Он повел Каллиопу в самый конец мраморной процессии, где находилась главная ее фигура – Афина. Богиня сидела на троне и принимала подношения. На ее кудрях не было привычного шлема, на коленях лежала эгида, правая рука держала копье.

– Так это она ваша любимица? – спросила Каллиопа.

– А вы словно удивлены?

– Мне скорее казалось, что вы предпочитаете кого-то из буйных кентавров, нарушающих плавность шествия. Или Диониса в леопардовой шкуре.

Он засмеялся:

– Ну что вы, мисс Чейз, как ни ценю я жизненные удовольствия, все же я не кентавр. И даже не Дионис. Вот еще накануне мы говорили с вами об оргиях... эти вечеринки обычно плохо кончались, ее участники рвали друг друга на части и пожирали сырую плоть. Каннибализм не по моей части.

Каллиопа снова почувствовала, как краснеет – краска смущения залила ей даже шею.

– Я никогда не подозревала вас в склонности к каннибализму, лорд Уэствуд. Но все-таки чем вас так привлекает именно Афина? Для вас она, по-моему, слишком благоразумна и осмотрительна.

– Именно этими качествами – разумным спокойствием, основательностью и достоинством. В моей кочевой жизни с родителями не хватало этих качеств, а я их очень желал. И сейчас нахожу их здесь, воплощенными в мраморе.

Каллиопа озадаченно моргнула. Несколько минут назад они заключили мир, это правда, но она и ожидать не смела таких откровений от Камерона де Вера. И сейчас его лицо, обычно беспечное и насмешливое, было задумчиво-грустным.

– И у меня она самая любимая, – призналась Каллиопа.

– Это естественно, ведь вы так с ней похожи.

– Я похожа на Афины? – проговорила она изумленно. – Вот она не нагрубила бы вам на музыкальном вечере.

– А просто пронзила бы копьем... мне повезло, что вы не носите с собой оружия. Но у вас довольно острый язычок.

Каллиопа не успела ответить, потому что по залу пробежало волнение, нарушившее благоговейную тишину. Каллиопа выглянула из-за богини и увидела, что в дверях возник герцог Авертон.

Каллиопа подумала, что его можно назвать даже красивым. Высокий и гибкий, с огненно-золотыми волосами, красиво заблестевшими в неяром освещении, пронзительными зелеными глазами, окинувшими комнату цепким взглядом. Единственным его недостатком был слегка крючковатый нос, словно некогда он был сломан, да так и не выправился. Несколько эффектная кельтская внешность подчеркивалась экстравагантностью костюма – длинной накидкой с капюшоном, тогда как прочие мужчины носили пальто, желтым атласным жилетом, сапогами с бахромой, многочисленными кольцами на пальцах. С рубинами и изумрудами.

Герцог замешкался в дверях и, убедившись, что все на него смотрят, сбросил свою накидку на руки шедшим позади лакеям.

– Вот и опять мы встретились, слава Греции, бессмертные духи древности, – тихо, но отчетливо произнес он. И проследовал к мраморным статуям, сопровождаемый свитой приятелей и слуг.

Каллиопа едва не расхохоталась. Герцог Авертон редко показывался в городе, оттого будущий бал так оживленно обсуждался в свете. Но стоило ему показаться, как представление получалось более захватывающим, чем сцены на Друри-Лейн.

– Вот мерзкая жаба, – мрачно пробормотал лорд Уэствуд. – И к чему этот дешевый балаган?

Каллиопа покосилась на него и увидела, что он зло смотрит на герцога, сжав пальцы в кулаки. Куда делся легкомысленный Аполлон? Теперь Уэствуд напоминал угрюмого Гадеса, притаившегося в подземном царстве и жаждущего скормить герцога по кусочкам своему прожорливому любимцу Церберу. Но она вынуждена была признать, что согласна с характеристикой Уэствуда. Из всех частных коллекционеров в Лондоне, прячущих свои сокровища от ученых, Авертон был худшим. Он никогда не рассказывал, откуда к нему поступил очередной артефакт, но все они рано или поздно безвозвратно исчезали за стенами его йоркширской цитадели. Но Каллиопа не знала, что Уэствуд так сильно его не любит. До сих пор ей казалось, что он ни к кому не испытывает неприязни – кроме нее.

Но сейчас она увидела на лице Уэствуда что-то даже большее, чем просто неприязнь. Скорее это была неподдельная первобытная ненависть. И это производило жутковатое впечатление.

Каллиопа даже вздрогнула и немного отодвинулась от него. А он заметил взгляд ее широко раскрытых глаз и быстро спрятал вырвавшееся из-под контроля чувство за обычной улыбкой.

– А я и не знала, что вы близко знакомы с герцогом, – проговорила Каллиопа.

– Не слишком близко, – ответил лорд Уэствуд, – но ближе, чем хотелось бы. Мы учились вместе в Кембридже, а Алчный Герцог мало изменился с той поры. Разве что поглупел и стал более порочным.

Порочный и глупый? Герцог определенно был занудой, имел репутацию человека алчного и эксцентричного. Но... порочный? Каллиопа ждала, что Уэствуд пояснит свои слова, но он, разумеется, не стал этого делать. Минута откровенности между ними миновала, а Каллиопа тут же забыла обо всем, увидев, что герцог направляется к Клио.

Клио, кажется, была единственной, кто не заметил эффектного появления герцога и величественного шествия его по залу мимо поспешно дававших ему дорогу посетителей. Она низко склонилась к статуе богини и сосредоточенно изучала ее через очки. Герцог, к явному беспокойству сопровождавших его лиц, сошел с первоначальной траектории и двинулся к девушке.

Озадаченная и встревоженная, Каллиопа смотрела, как он медленно подходит к Клио сзади и прикасается рукой в кольцах к ее плечу. Испуганная Клио резко повернулась.

– Вашей сестре стоит быть осмотрительной с этим человеком, – пробормотал Уэствуд.

– Понятия не имею, о чем он с ней говорит. Мы едва с ним знакомы.

– Это его не останавливает, когда дело касается женщин. Даже таких достойных, как ваша сестра.

Каллиопа с ужасом увидела, как рука Клио скользнула вверх и назад к острой булавке, воткнутой в ее шелковый капор. Лицо ее ничего не выражало, но Каллиопа знала, что сестра, не колеблясь, вонзит эту булавку герцогу в руку... или более чувствительное место.

Каллиопа шагнула вперед, уже готовая вмешаться, но не успела – ее опередил лорд Уэствуд. Он быстро пересек комнату и буквально оттолкнул герцога от Клио. А потом нагнулся к уху ухмыляющегося герцога и что-то прошептал. Клио попятилась от мужчин, ее рука опустилась вниз. А все остальные, наоборот, придвинулись поближе – не каждый день увидишь ссору между герцогом и графом, да еще в Британском музее! Будет о чем поговорить в ближайшие дни.

Если бы только в центре происшествия были не они с сестрой, в смятении думала Каллиопа. Но она не могла не следить за развитием событий. Уэствуд

едва сдерживал ярость, Авертон продолжал усмехаться, но тоже пришел в возбуждение, о чем свидетельствовали его судорожно сжатые кулаки. Каллиопа, стряхнув странное оцепенение, поспешила к сестре и прошептала, схватив ее за руку:

– Наверное, нам лучше увести отсюда Хори?

Клио вздрогнула, как будто ее тоже заворожила некая недобрая магия, и только голос Каллиопы разогнал чары.

– Конечно! – Она бросилась туда, где Хори рисовала в своем уголке, и потянула ее из элгинского зала, на ходу обещая показать мумии.

Едва они вышли, как Уэствуд и Авертон отошли друг от друга, и Уэствуд вышел из зала, не оглядываясь. Герцог одернул жилет и вернулся к друзьям, смеясь как ни в чем не бывало.

Озадаченная Каллиопа проводила взглядом графа. Он казался вне себя от ярости. А ведь еще несколько минут назад, когда они мирно беседовали, она считала себя непроходимо глупой оттого, что вообразила его Вором Лилии. Теперь, увидев странную сцену между ним и Авертоном, она более чем когда-либо уверилась, что вор все-таки он! И она собиралась доказать это так или иначе.

Глава 5

В чем дело, де Вер? Почему я не могу перекинуться словом с кабацкой девкой?

В голове Камерона и спустя много лет продолжали звучать эхо насмешливых слов Авертона, его циничный смех. А перед глазами маячила самодовольная ухмылка, которая исчезла только после того, как Камерон впечатал свой кулак в его лицо, разбив аристократический нос. Это, впрочем, было слабым утешением для девушки лет шестнадцати, которая плача убежала прочь в разорванном платье. И не утолило ярость Камерона, ведь он знал, что следующую девушку спасти не сможет. Как и следующую украденную вазу или скульптуру.

Пока друзья оттаскивали его, он успел услышать слова Авертона:

– Да пусть идет. Чего еще ждать от сына простолюдинки.

Тогда понадобилось человек десять, чтобы увести Камерона, и вскоре он покинул душные стены Кембриджа, чтобы отправиться странствовать. Среди простолюдинов Италии и любимой маминной Греции. Годы странствий стерли воспоминания о тех словах Авертона, об ощущении подавшейся под кулаком кости. До сегодняшнего дня.

Вид Авертона, низко склонившегося к Клио Чейз, и беспомощное волнение Каллиопы вдруг заставили его вспомнить захудалую таверну и ту девушку в разорванном платье. Воспоминание вернулось с пугающей ясностью.

Ныне Авертон считался чудаком, почти что отшельником, который появляется на публике, только чтобы похвастаться своими очередными приобретениями. На очереди была Алебастровая Богиня. Камерон еще не видел его по возвращении в Лондон. Но пороки герцога явно лишь затаились, спрятались за его краденными сокровищами. Кто посмел бы бросить ему вызов? Кто вообще дерзнет уличить всесильного и богатого герцога в преступлении?

Камерон остановился в дверях музея и провел рукой по волосам. Гнев постепенно отпускал его. Теперь ему больше пристала трезвая рассудительность, а не горячие порывы туманной юности. Никаких Дионисов. Афина – вот какая богиня ему нужна сейчас в помощь.

Он еще постоял на крыльце, на ветру, не обращая внимания на кипевшую вокруг повседневную лондонскую суету. Вспомнились мать, ее рассказы о великих героях Греции – Ахилле, Аяксе, Гекторе. Им была присуща импульсивность, они бросались в битву не раздумывая.

– Ты такой же, как они, сынок, и однажды это приведет тебя к беде, – предостерегала она. – Есть другие способы одерживать победы.

Пока он стоял, облокотившись на чугунные перила, двери отворились, и из музея вышли Каллиопа и Клио с младшей сестрой, которую они держали за руки. Она оживленно болтала, но две старшие музы были молчаливы и серьезны, словно мысли их витали далеко от музейного двора. Каллиопа время от времени

тревожно поглядывала на Клио.

Камерон спрятался от них за большое каменное кашпо, он не мог сейчас заговорить с Каллиопой, она конечно же шокирована его вспышкой ярости, а он не сможет ничего ей объяснить. Но потом он последовал за ними, держась в отдалении, пока не убедился, что они благополучно сели в экипаж и приставания герцога или кого-то из его компании им больше не грозят. Если Авертон полагает, что может беспрепятственно досаждать кому-то из Муз Чейзов, он сильно заблуждается.

* * *

«Лорд Меллоу, мистер Райт-Хемсли, мистер Лейксли».

Каллиопа разглядывала свой список при свете свечи, покусывая кончик карандаша. Все это, несомненно, люди со средствами, не обделенные умом и в то же время коллекционеры древностей. Насколько подходит им роль Вора Лилии?

Она вспоминала остальных знакомых мужчин, которые не являлись детьми или совсем уж немощными стариками. Или не были простоваты, как бедненький Фредди Маунтбэнк.

«Лорд Диринг, сэр Майлз Гибсон, мистер Смитсон...»

Но в конце концов ее мысль непременно возвращалась к одному имени – лорду Уэствуду.

Ведь сперва она нисколько не сомневалась, что это он! Он обладал всеми требуемыми качествами – умом, мотивом, известной долей безрассудства, видимо приобретенной им за годы жизни в Греции и Италии. У него доставало смелости отстаивать свои убеждения, пусть и абсолютно ошибочные. Но теперь что-то тревожило ее, некий надоедливый голос внутри нашептывал сомнения. Неужели – возможно ли – это оттого, что он ей нравится?

– Ерунда! – воскликнула она, бросая карандаш. Ну конечно, нисколько он ей не нравится. С какой стати? Он со своим безрассудством бросает вызов всему, что

ей дорого. А голосок внутри – врожденная женская слабость, падкая на обворожительную улыбку и взгляд блестящих глаз, – внушали совсем другое.

Короче, граф был и остается самым подходящим кандидатом на роль Вора Лилии. Его вспышка гнева, вызванная поведением герцога Авертона, только делала это предположение еще более вероятным. Уэствуд явно точит нож на герцога, который обычно прячет в бархатном футляре.

Но в мгновение ока этот нож может взвиться и нанести удар.

Каллиопа впила глазами в список, медленно нацелила карандаш. И в нем появилось новое имя: лорд Уэствуд.

Сзади скрипнула дверь спальни, предупреждая, что она уже не одна. Каллиопа торопливо сунула листок под стопку книг и плотнее завернулась в шаль.

– Занимаешься, Кэл? – тихо спросила Клио, опускаясь в кресло у стола.

– Немного почитала, никак не могу заснуть.

– Я тоже. – Она повертела в руках блокнотик сестры. Клио казалась очень бледной, а глаза без очков большими и темными. Каллиопа вспомнила, что за ужином сестра почти не притронулась к еде.

Вот чертов Авертон! Почему ему вздумалось именно сегодня заявиться в музей, испортить им экскурсию, пристать к сестре! И почему он выбрал именно Клио? Сидел бы тихо дома со своей Алебастровой Богиней!

Но в таком случае у Каллиопы никогда не будет шанса поймать Вора Лилии! Алебастровая Богиня – на редкость соблазнительная приманка. Если бы только Клио не подвернулась так некстати на пути герцога.

– Что он сказал тебе в музее? – спросила Каллиопа.

– Кто? – подняла глаза от блокнота Клио.

– Авертон, конечно! Ты сегодня весь день такая тихая. Даже не слушала, когда папа читал «Энеиду».

Клио пожала плечами:

– Наверное, я просто устала. А Авертон не имеет никакого значения.

– Но он вел себя...

– Это абсолютно не важно. Он, как и многие титулованные мужчины, считает, что все женщины, стоит их только поманить, станут его собственностью. Даже не поманить, а просто взять. Как шкатулку слоновой кости, как алебастровую статую из делосского храма. А когда он наталкивается на ту, которая не хочет иметь с ним дела, это только разжигает его решимость. Но у меня решимости побольше.

В этом Каллиопа не сомневалась. Никто не сравнится с Клио в решительности и целеустремленности. Разве что лорд Уэствуд.

– Но я даже не знала, что ты с ним знакома.

– Я и не знакома. Так, пару раз сталкивались в магазине и на выставке. Я явно чем-то привлекла его внимание.

Каллиопа изумленно уставилась на сестру. А она-то считала, что они очень близки.

– Клио, почему же ты ничего не рассказывала?

– Я же говорю – это абсолютно не важно! – воскликнула Клио, хлопая ладонью по стопке книг. Книги рассыпались, и лист бумаги, лежавший под ними, оказался на виду. Клио немедленно им завладела. – Что это?

– Ничего. – Каллиопа попыталась выхватить листок, но Клио не дала.

– «Лорд Диринг, мистер Смитсон, мистер Лейкли...» Это перечень твоих кавалеров?

– Вот уж нет! – Каллиопа удалось, наконец, отобрать лист. Она сложила его пополам и спрятала в какой-то толстый том. – Такой кавалер, как мистер Лейксли, мне точно не нужен. Он умеет только играть в карты.

– Кажется, там было имя лорда Уэствуда? Едва ли ты числишь его среди своих поклонников, хотя, как я заметила в музее, вы весьма мило болтали.

– Мы говорили о греческой мифологии. А этот список я готовила для завтрашнего заседания нашего общества.

– Ах да, заседание. Брось темнить, Кэл.

– Ладно, я скажу. Нам надо хорошенько подготовиться к балу у лорда Авертона. Этой ночью мы должны быть начеку. Чтобы не повторилась история с леди Тенбрей. Разве что...

– Что?

– Разве только ты не захочешь пойти на бал. Это будет вполне объяснимо при том, как ведет себя герцог. И если хочешь, мы можем больше никогда не вспоминать про этот эпизод.

Клио с суровым лицом откинулась на спинку кресла, скрестила на груди руки. Эта поза сестры была знакома Каллиопа с детства.

– Глупости, Кэл. Меня ведь не зарезать собирались в элгинском зале. Ну, он сказал мне пару слов. Ничего такого, с чем бы я не справилась. Незачем обращаться со мной как с хрупкой фарфоровой чашкой.

Каллиопа невольно улыбнулась. В детстве Талия всегда оказывалась первой в беге наперегонки, настоящая Аталанта, а Клио лучше всех лазала по деревьям – и прыгала с них вниз, словно у нее были крылья. Еще она лучше всех плавала и карабкалась на гору.

Герцог еще не понял, с кем столкнулся.

– Нет, конечно, – согласилась Каллиопа. – Ты уж точно не фарфоровая.

– Ну, так расскажи мне все. Это, видимо, кандидаты в Воры Лилии?

Каллиопа достала листок, разгладила его на столе.

– Да. Кое-кто немножко притянут за уши, я знаю.

– Немножко! Мистер Эмерсон амфоры от лошадиной подковы не отличит. А лорд Маллоу безнадежно близорук.

– Гм. – Каллиопа подтолкнула листок к сестре. – Раз ты такая умная, напиши сама, кого считаешь нужным.

Клио, поджав губы, просмотрела список:

– Это не Хенсон. Он никогда не сделает ничего такого, что не одобрит его маменька. И не Смитсон – слишком честный. А вот где лорд Вильмонт?

– Ой, я о нем забыла. Молодец. Помнишь его кратер – больше никто его не видел. – Каллиопа приписала новое имя, и Уэствуд уже не был последним в списке.

– Еще лорд Эрли! Забыть не могу, как он чуть не вызвал на дуэль сэра Бассингтона, когда тот заявил, что каменная стела относится к амарнскому периоду.

– Они все оценивают в деньгах. Надо вписать обоих.

Они долго не ложились спать той ночью, обсуждая характер каждого подозреваемого. Одних вносили в список, других вычеркивали. И только лорд Уэствуд прочно занял в нем место.

– Я прошу внимания, – сказала Каллиопа. – Протокол будет вести мисс Клио Чейз.

Болтовня и шуршание стихли, чашки опустились на столики, лица, горевшие жадным любопытством, обратились к Клио.

– Что за тему мы сегодня обсуждаем, Каллиопа? – спросила Эмлин. – Наверное, очень важную, раз ты собрала нас раньше обычного.

– Неужели случилось что-то страшное? – простонала Лотти Прайс. – Кто-то убит? Отравился? Заболел?

– Кто-то должен отобрать у нее эти романы, – пробормотала Клио.

– Лотти, дай Каллиопе сказать, – одернула подругу Эмлин.

– Нет, никого не убили, и не отравили, и не зарезали, – произнесла Каллиопа. – И надеюсь, мы не допустим ничего подобного.

Эмлин широко раскрыла глаза.

– Ты считаешь, что убийство может произойти?

– Я так и знала! – вскричала Лотти. – Назревает какой-то ужасный заговор.

– Боюсь, что на этот раз Лотти не так уж далека от истины, – вздохнула Каллиопа.

– Ты что хочешь сказать? – спросила Талия. – Кого собираются убить? Может, нам стоит вооружиться?

– Нет, я не имела в виду ничего подобного, – заверила Каллиопа, спеша пресечь зарождающуюся панику среди подруг. – О покушении на человека мне ничего не известно. Заговор касается Алебастровой Богини.

Барышни облегченно откинулись на стульях, но напряжение продолжало висеть в воздухе.

– Ты по-прежнему думаешь, что ее украдет Вор Лилии? – спросила Эмлин.

– Да, во время бала-маскарада у герцога, как я уже говорила в прошлый раз, – подтвердила Каллиопа. – Нам предстоит разработать план ее спасения.

– Я готова охранять ее днем и ночью, – вскричала Талия, вскакивая со стула и сверкая глазами, уже представляя, как карает мечом потенциального вора. – Вы мне только дайте знать, уж я с ним разделаюсь.

– Талия, дорогая, сядь. – Клио покачала головой. – Нам не нужна Боудикка[1 - Боудикка – царица британского племени иценов, подняла восстание против римских завоевателей. (Примеч. ред.)] с ордами иценов, чтобы приглядывать за одной маленькой статуей.

– Откуда ты знаешь? – буркнула Талия, опускаясь на место. – А может, у Вора Лилии есть сообщник. Или даже несколько.

– Даже если их у него батальон, чего не может быть, поскольку батальону не разместиться в библиотеке леди Тенбрей, он от нас не уйдет.

– Так в чем заключается твой план? – уточнила Эмлин. – Что нужно делать?

– Я составила список тех, кого, пусть даже отдаленно, можно заподозрить в воровстве, – сказала Каллиопа, доставая список – плод ночных трудов. – На бал приглашен весь лондонский свет, и они там точно будут. Каждая из вас возьмет на себя одного или двоих. Вашей задачей будет выяснить, какой на них костюм, а затем вы станете наблюдать, не попытаются ли они скрыться из зала.

– Надеюсь, ты не поручишь мне следить за Фредди Маунтбэнком, – сказала Эмлин. – Он и без того успел мне надоесть.

– Маунтбэнк даже нет в списке, – утешила ее Каллиопа и вспомнила о стычке между Маунтбэнком и Уэствудом под их окнами. – Наблюдение надо вести как можно более скрытно. И будьте внимательны – ошибиться очень нежелательно.

– Может, нам лучше работать в парах, – предложила Лотти. – Так проще будет выследить того, кто захочет улизнуть.

– Кстати, отличная идея, Лотти, – одобрила Каллиопа. Схватив у Клио карандаш, она быстро откорректировала текст. – Итак, вот ваши подопечные.

Талия раздала листочки членам общества, и девушки склонились над ними, хихикая и восклицая.

– Мистер Эмерсон! – сказала Лотти. – Вот за кем приятно будет следить, он такой красавчик.

– Как и лорд Меллоу, – кивнула Эмлин. – Но почему сюда затесался мистер Хенсон? Он даже прогулку по бульвару не сумеет спланировать, что уж говорить о краже.

Каллиопа стукнула молоточком по столу, призывая леди к порядку.

– Теперь, когда вы получили задания, перейдем непосредственно к балу...

* * *

– И ты правда думаешь, у нас что-то получится? – спросила Эмлин, подходя к стоявшей у окна Каллиопе.

Та обернулась к подругам, окружившим фортепьяно, за которым Талия исполняла ноктюрн Бетховена.

– Не знаю, – откровенно ответила она. – На балу будет настоящее столпотворение, а нам нужно проследить за определенными людьми. Причем в маскарадных костюмах. Но я все равно не могу просто ждать, когда эту статую украдут, и не попытаться хотя бы что-то предпринять.

– Я понимаю тебя. Мы чувствуем то же, хотим, чтобы все сокровища были спасены, чтобы их берегли и изучали. Но нас только пятеро. И все равно, Каллиопа, не сомневайся, мы все сделаем, чтобы спасти Алебастровую Богиню. Даже в ее храме в Греции у нее не было более преданных служительниц.

Они некоторое время молчали, слушая игру Талии и глядя на улицу. Эмлин прошептала подруге на ухо:

– Ты сама собираешься следить за лордом Уэствудом?

Каллиопа слегка вздрогнула:

– Я решила предоставить его Клио.

– Ну нет, лучше ты. Вы ведь с ним всегда кружите вокруг друг друга, словно два ястреба.

– Да ничего подобного! – воскликнула Каллиопа, но тут же понизила голос, потому что на них обернулись. – Я вокруг него не кружу. И вообще, Эмлин, что ты имеешь в виду?

– Ну, Каллиопа, милочка! Все же видят. Когда вы в комнате вдвоем, воздух прямо накаляется. Брат говорил, что даже в его клубе это в последнее время обсуждают и даже заключают пари.

– Пари? Обо мне заключают пари? – У Каллиопы даже заныло в животе. – Как они смеют? Что... что именно обо мне говорят?

– Тебе правда хочется узнать? – глядя на нее с сочувствием, спросила Эмлин. – Напрасно я об этом заговорила...

– Нет, не напрасно. Если обо мне судачат, я хочу знать.

– Ну... половина из них спорит, что ты выйдешь за Уэствуда замуж до конца сезона. Вторая половина – что один из вас попадет в Ньюгейтскую тюрьму за убийство другого.

Каллиопа прижала ладони к животу.

– А твой брат какое пари заключил?

– Каллиопа! Он никогда бы не стал...

– Да брось! Он же мужчина, держать пари – у них это в крови.

– Во всяком случае, он мне не сказал. Я и так рассердилась на него за то, что он не прекратил это безобразие.

– Люди не могут не сплетничать. Но им, наверное, отчаянно не доставало предмета для сплетен, если взялись за такую скучную особу, как я. Откуда они взяли эту чушь?

Эмлин пытливо взглянула на нее:

– Все-таки это не чистой воды фантазия. Ты и лорд Уэствуд при каждой встрече огрызаетесь и ссоритесь. Или бросаете друг на друга испепеляющие взгляды. Что же людям остается думать?

Каллиопа на самом деле стало нехорошо. Она тяжело опустилась на ближайший стул и обхватила себя руками.

– Ты что, неужели правда не знала? – спросила Эмлин.

– Я была слишком погружена в древнюю историю, – пробормотала Каллиопа. – Ломала голову над загадкой Вора Лилии. И наверное, плохо смотрела по сторонам. Мама всегда говорила, что нельзя слишком сильно погружаться в себя – это к добру не приведет.

– Ну, большой беды тут нет, – утешила ее Эмлин. – Тебя же не застали целующейся с ним! И ты права – это только глупые сплетни людей, которым больше нечем себя занять. Скоро об этом забудут и заговорят о чем-то другом. По словам брата, они спорят еще о том, не принц ли Вор Лилии? Так что сама видишь, какой чушью заполнены их книги для пари!

Каллиопа через силу рассмеялась. Предполагать, что принц, тучный, краснолицый, в своем скрипящем корсете, влезает в окно и открывает замок отмычкой, было до того абсурдно, что дурнота почти прошла.

– Лучше не обращать на них внимания, – сказала Эмлин. – Не пойти ли нам прогуляться в парке? День слишком хороший, чтобы сидеть дома, а нам нужно время, чтобы обдумать наши бальные планы.

– Да, мне что-то захотелось на воздух, – призналась Каллиопа.

– Отлично. Сейчас позову остальных.

Эмлин повернулась, чтобы идти, но Каллиопа удержала ее за руку:

– А ты сама что думаешь про меня и лорда Уэствуда?

Эмлин мягко улыбнулась:

– Что я могу сказать? Я такая же незамужняя девица, как и ты, и мой главный поклонник – Фредди Маунтбэнк. Я мало знаю о романтических чувствах. Ты вот говоришь, что он тебе не нравится. Допустим, но ты уверена, что только это принимается в расчет? Может быть, лучше спросить Лотти, как это бывает в ее романах?

Каллиопа в замешательстве смотрела вслед удалявшейся подруге. Она неплохо разбирается в памятниках античного мира, их можно изучать, классифицировать. Но с мужчинами-то так нельзя! Особенно с Уэствудом. Может, и в самом деле стоит помимо Аристотеля и Геродота почитать романы? Просто очевидно, что ей безнадежно не хватает наблюдательности, умения разбираться в современной жизни и романтических отношениях. Может быть, этот пробел восполнит «Ужасная тайна герцога»? Ведь при правильном подходе изучить можно все. Геродот тут точно не помощник.

Каллиопа встала и решительно направилась к подругам, уже надевавшим шали и капоры для прогулки.

– Лотти, – окликнула она. – Можно тебя на минутку?

* * *

После дождливого утра день выдался на удивление ясный и сухой, и народу в Гайд-парке было немало. По боковым аллеям скакали всадники, изредка останавливаясь у изгороди, чтобы поболтать со знакомыми, которые проезжали мимо в открытых ландо, демонстрируя модные обновки. Няни в крахмальных чепцах и накидках зорко следили, как их подопечные пускают кораблики в тихих темных водах Серпентайна или катят обруч по гравиевым дорожкам.

Каллиопа с удовольствием смотрела на смеющиеся личики и вспоминала, как няня, а иногда и мама приводила сюда ее и сестер. Девочки воображали, что Серпентайн – это Средиземное море, деревья и камни – священная роща вокруг храма Аполлона в Дельфах, а они – настоящие музы. Вдохновительницы искусств и наук. И внезапно Каллиопа почувствовала острую тоску по тем навсегда ушедшим временам, когда она считала, что любая мечта может сбыться и любую цель можно достичь. Даже стать такой же мудрой, как музы. А теперь Каллиопа иногда думала: правильно ли поступил отец, дав дочерям такие имена? Не обернутся ли они своего рода проклятием для нее и сестер?

Как ей сейчас хотелось вернуться к счастливому неведению детства. Вот она идет сейчас по дорожке, а вокруг, наверное, шепчутся: «Смотрите, вон Каллиопа Чейз! Та самая, которая бежит за лордом Уэствудом».

Эмлин держала ее под руку и весело улыбалась.

– Какой сегодня бодрящий воздух!

– И правда, – соглашалась Каллиопа. Ей и самой не мешает приободриться. Эмлин права: сплетни о ней и лорде Уэствуде – исключительно продукт праздных умов и скоро утихнут. Если она не будет давать пищу для них.

– Посмотри, вон мистер Смитсон! Он есть в списке? – спросила Эмлин.

– Гм. – Каллиопа задержала взгляд на джентльмене, который, поравнявшись с ними, вежливо приподнял шляпу. – Боюсь, что с ним я погорячилась. С его фигурой пролезть в окно просто невозможно.

– Как и с лордом Дирингом. Говорят, его мать – сущий дракон. Да она просто испепелит сыночка, если он уронит фамильную честь.

– Пожалуй, да, – засмеялась Каллиопа. – Но все равно нам лучше рассмотреть все кандидатуры, пусть и маловероятные.

– Вот именно. Потому что внешность бывает обманчива.

Каллиопа кивнула. Ей это очень хорошо известно благодаря изучению античного мира. Вот древние греки кажутся сейчас такими рациональными, бесстрастными, красота их строгая и возвышенная. А на самом деле их статуи и храмы были ярко раскрашены. Их представления о порядке, их философия и трагедии обнаруживают любовь к безумству, экстазу, ко всему иррациональному.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Боудикка – царица британского племени иценов, подняла восстание против римских завоевателей. (Примеч. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/makkeyb_amanda/gubitel-zhenschin

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)